

МБУК «Глинковская Библиотека»

**Нина Артёмовна
Семёнова
(1931 - 1996)**

**Прозаик.
Драматург.
Человек.**

**Подготовила: Ермакова Н.М., зав.
справочно-информационным отделом
«Центр правовой информации» МБУК
«Глинковская Библиотека»**

**с. Глинка
2021**

Нина Артемовна Семенова родилась 17 февраля 1931 года в деревне Ольша Смоленского района.

Училась в Ольшанской средней школе. Затем семья переехала в Смоленск, где будущую писательницу застала Великая Отечественная война. После войны закончила среднюю железнодорожную школу в Смоленске, потом - Московский университет...

Работала учительницей в деревне Мазальцево Смоленского района, затем корреспондентом Смоленского радиокomiteта, редактором литературно-музыкальных передач смоленского радио.

**Н.А. Семенова и
И.Т. Твардовский**

В 1958 году вышел в свет рассказ «Танька» малоизвестной писательницы в журнале «Огонёк». И.Т. Твардовский ежедневно просматривал горы неопубликованных рассказов и повестей и запомнил зававшую в душу работу землячки на целых 12 лет. В 1970 году, встретив её на писательском съезде, приветствовал растерянную Семенову возгласом: «А я помню вашу «Таньку!». Одобрительные слова мастера воодушевили молодую писательницу.

**Николай Иванович
Рыленков
(1909-1969)**

В 1959 году Смоленское книжное издательство выпустило в свет первую книгу Семеновой – «Ленкина берёзка». В 1966 году в издательстве «Московский рабочий» вышла вторая книга рассказов - «Мояника».

Большую роль в литературной судьбе Н.А. Семеновой и творческом становлении сыграл поэт Н.И. Рыленков, которому Нина прислала свои первые рассказы. Он одобрил их и предложил ей участвовать на совещании молодых прозаиков.

Вот что писал о книге «Мояника» выдающийся советский поэт Николай Рыленков: «В рассказах молодой смоленской писательницы Нины Семеновой всегда есть что-то от доброй сказки, хотя они вовсе не отличаются богатством вымысла. Сказочна в них та неуловимая с первого взгляда, но явно ощутимая поэтическая особинка, которую у нас в народе называют удивительным словом «нешточко».

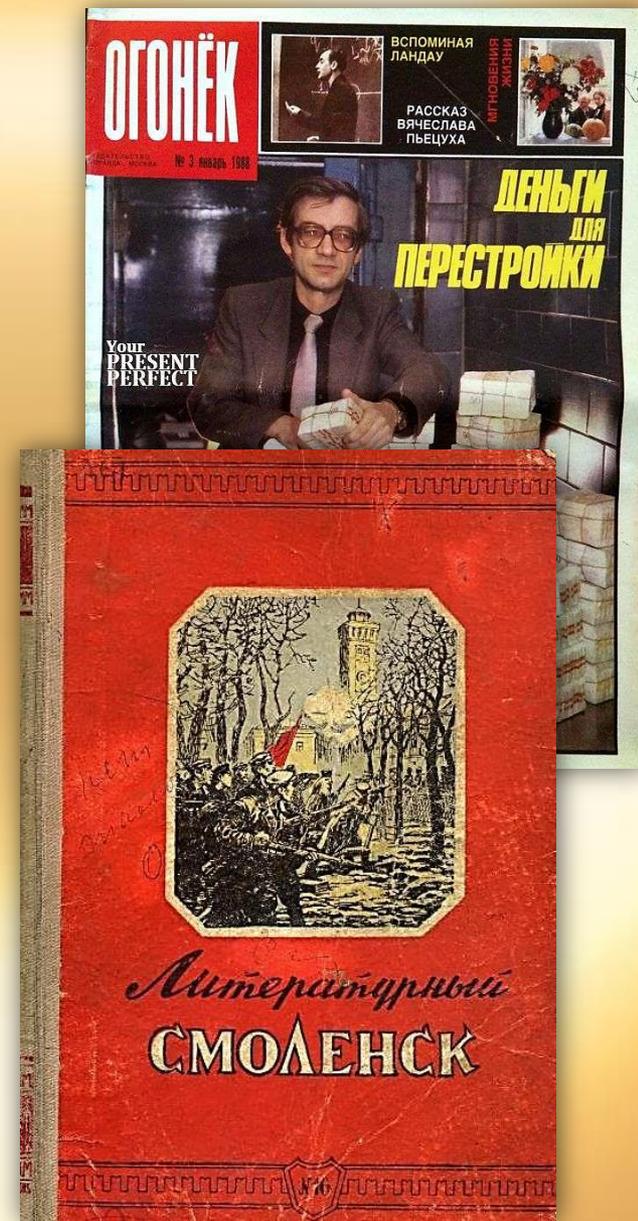

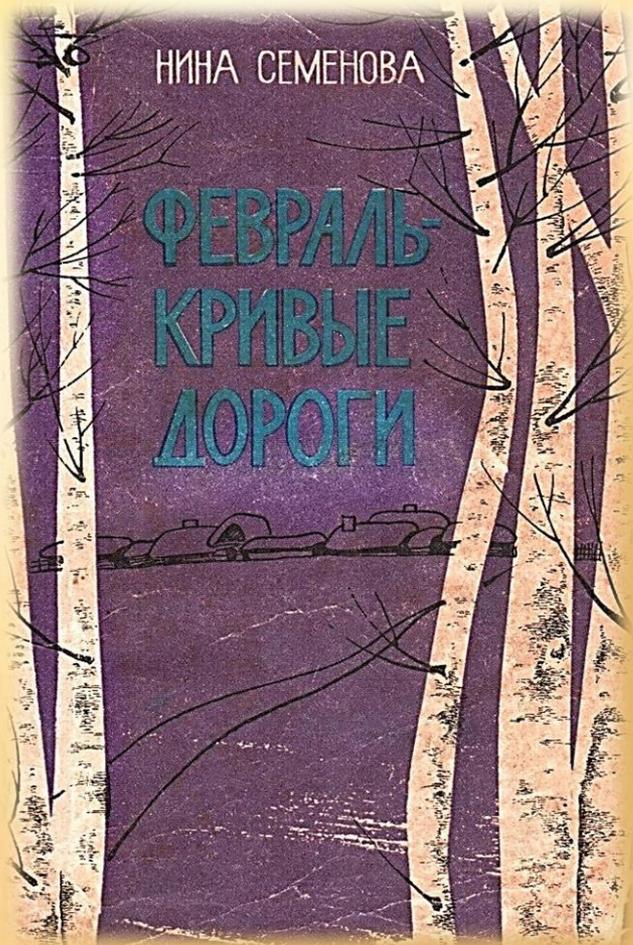
Закончила Высшие сценарные курсы. Участвовала в Ленинградском совещании молодых прозаиков и в семинаре молодых драматургов в Москве. В 1963 году принята в Союз писателей СССР. С 1991 по 1996 год возглавляла Смоленскую областную организацию Союза писателей России. В 1995 году стала лауреатом Всероссийской литературной премии имени А.Т. Твардовского.

Нина Артемовна Семенова рано ушла из жизни, но оставила большое литературное наследие.

Н.А. Семенова в 1995 г. на открытии памятника А.Т. Твардовскому и Василию Тёркину в г. Смоленске.

Рассказы Н.А. Семеновой печатались в журналах «Огонёк», «Молодой колхозник», альманахе «Литературный Смоленск», во многих газетах.

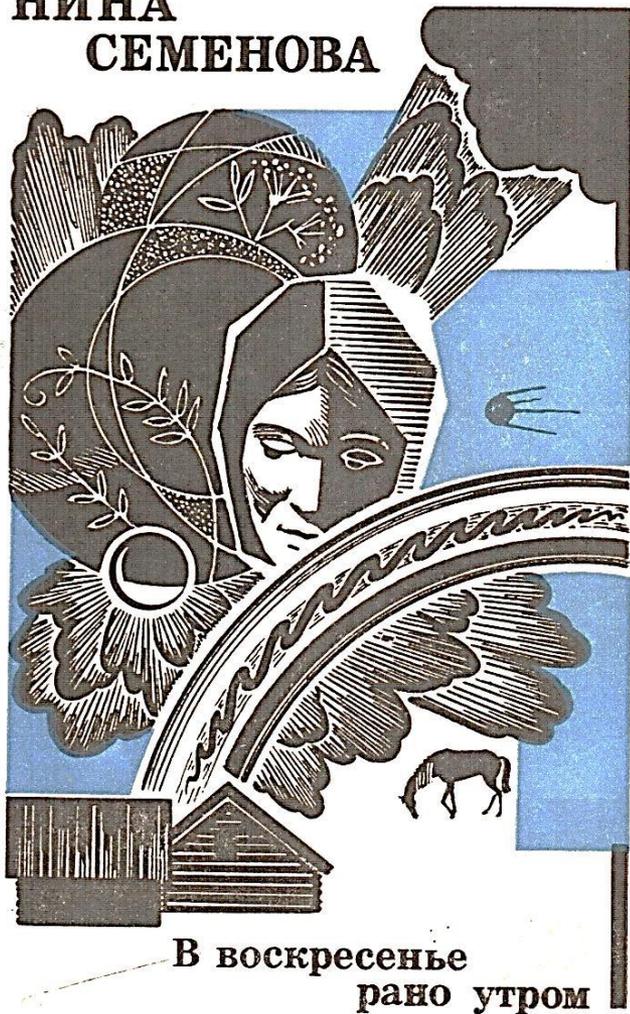

Тихая, задумчивая Смоленщина - родина и постоянный, неизменный источник творчества Н. Семеновой.

В сборнике рассказов и повестей «Февраль - кривые дороги» Н. Семенова продолжает ту же тему - поисков чудесного в обыкновенном. Писательнице по душе современная деревня, её трудолюбивые жители, неброская, застенчивая красота родного края.

Семенова, Н.А. Февраль - кривые дороги : повести и рассказы. - Москва : Московский рабочий, 1973. - 208 с. - Текст : непосредственный.

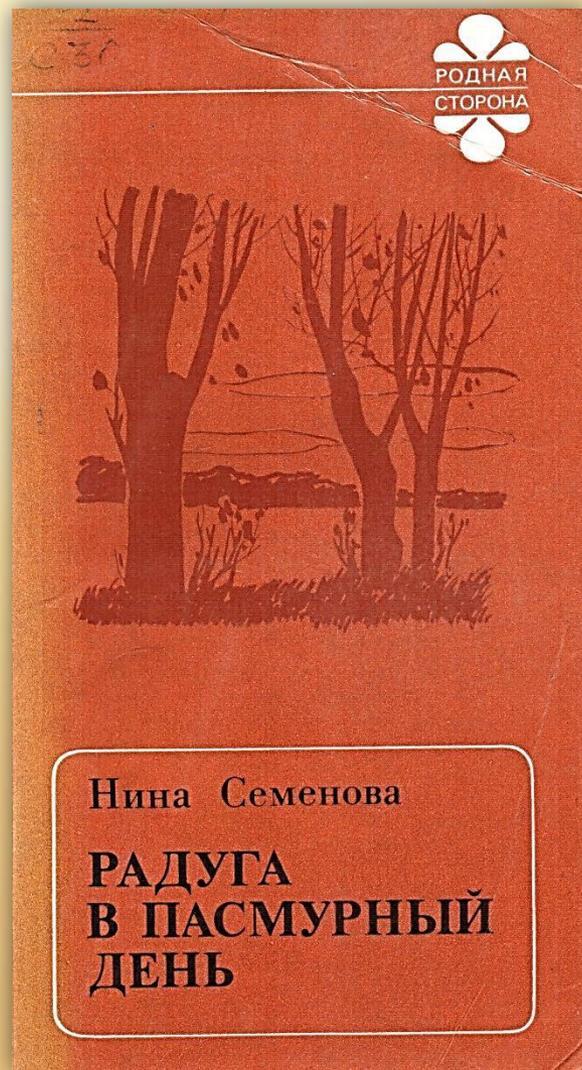
НИНА СЕМЕНОВА

В воскресенье
рано утром

Н. Семенова, смоленская писательница, начинала свою трудовую жизнь сельской учительницей. Ей близок и дорог мир деревенской жизни с её заботами, радостями и печалью. Особое доброе чувство вызывают у неё деревенские ребятишки, глазами которых подчас увидена жизнь взрослых. Многие произведения писательницы уводят нас в годы Великой Отечественной войны.

Семенова Н.А. В воскресенье рано утром : повести и рассказы / Н.А. Семенова. - Москва : Советский писатель, 1977. - Текст : непосредственный.

В книгу смоленской писательницы Н. Семеновой включены повести и рассказы, замыслы которых почерпнуты в основном из пережитого и увиденного, - это и военное детство, и сегодняшний день. Автор показывает характеры своих героев в такой жизненной ситуации, в которой как бы сфокусирована вся их судьба, вся земная философия жизни, выраженная по-своему в горячей любви и преданности к родной земле.

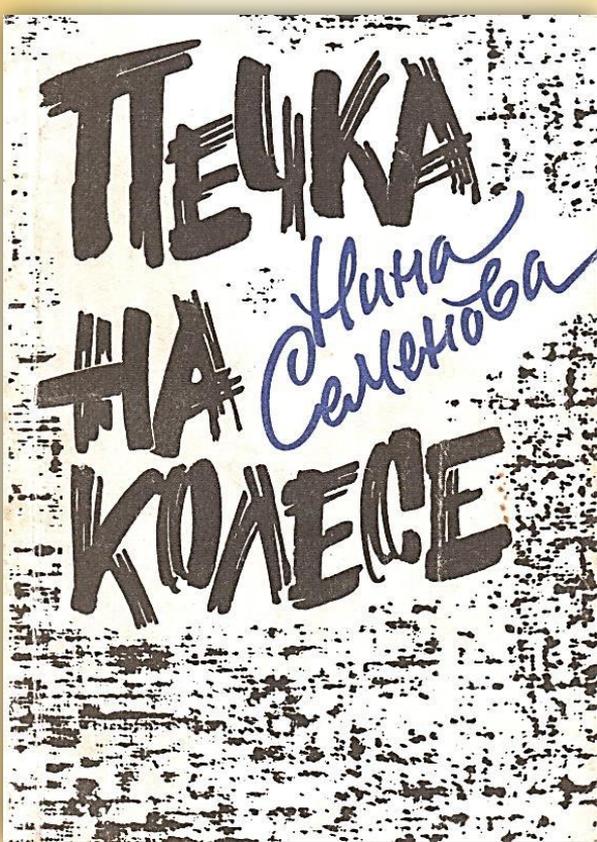
Глубоко раскрывает писательница тему женской доли.

Семенова Н.А. Радуга в пасмурный день : повести и рассказы / Н.А. Семенова. - Москва : Московский рабочий, 1980. - 352 с. - Текст : непосредственный.

В книгу смоленской писательницы Нины Семеновой включены повести и рассказы о среднерусской деревне 80-х годов прошлого столетия. Размышляя над проблемами Российского Нечерноземья, автор особую роль отводит нравственному становлению нашего молодого современника.

Семенова, Н.А. Крутая молния : повести и рассказы / Н.А. Семенова. - Москва : Современник, 1982. - 304 с. - Текст : непосредственный.

Семенова, Н.А. Печка на колесе : пьесы / Н.А. Семенова. - Москва : Советский писатель, 1989. - 288 с. - Текст : непосредственный.

Наибольшую популярность имела пьеса «Печка на колесе», которая неоднократно ставилась на сцене Смоленского драматического театра, а также в других театрах страны и за рубежом, в том числе в Болгарии, Греции, Чехословакии и Японии.

Пьесы Н. Семеновой продолжают лучшие традиции народного русского театра - комедии-лубка.

Яркая образность, хоровод масок, частушки, умение подметить негативные и смешные стороны повседневной колхозной жизни, сказать о большом и важном легко, но не легковесно, по-русски озорно и весело – вот что привлекает к её пьесам театральную общественность, широкого читателя и зрителя.

НИНА
СЕМЕНОВА

ЗОЛОТАЯ
СВАДЬБА

Рассказ

Аксинья пришла в контору рано: еще роса с травы не спала. Но председателя в конторе уже не было. Пошел по бригадам — пора на дворе стоит горячая. Тогда она села в уголок, сложила на коленях старые натруженные руки и стала ждать.

Молоденькая секретарша Валька то и дело вскакивала из-за машинки, на которой печатала одним пальцем, подбегала к висящему на стене телефону и с неизменной строгостью в голосе отвечала:

— Нету. Когда будет, не докладывал. Может, и совсем не будет.

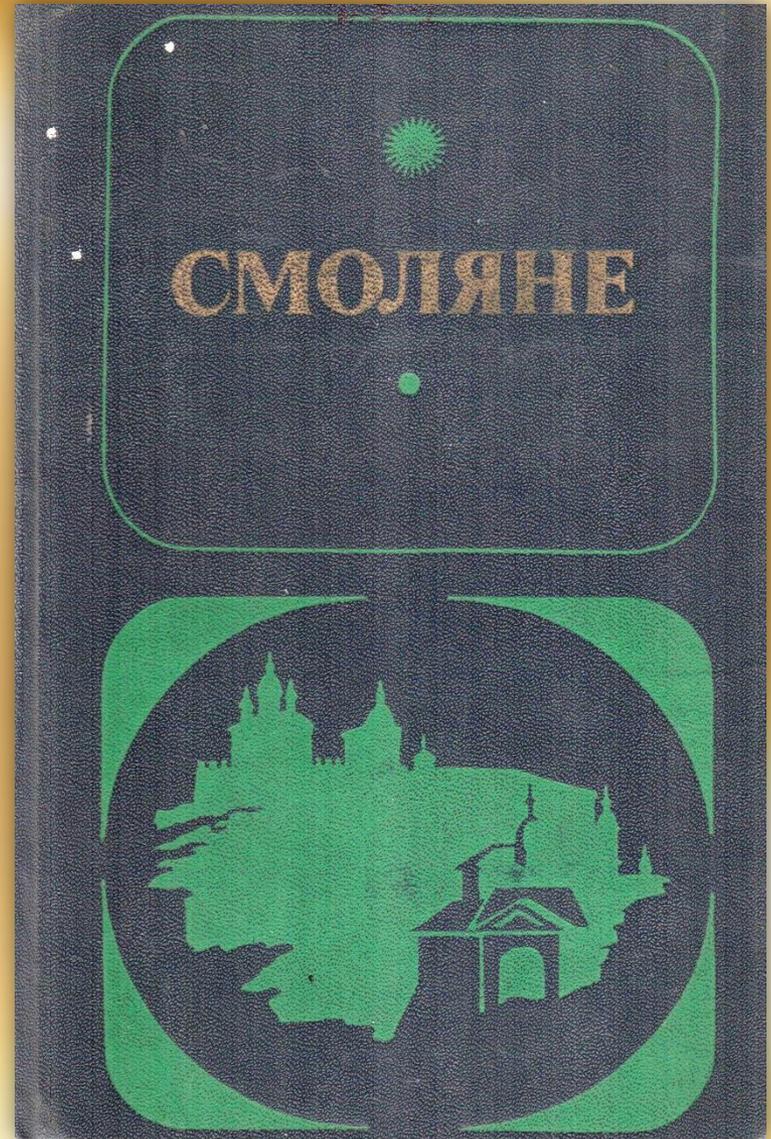
Валька косила глаза в сторону Аксиньи, но та будто не слышала. Зазря, что ли, она оттопала семь верст, чтоб с пустыми руками возвращаться? Нетушки. Как села в уголок, так и не сдвинется с места. Не сегодня, так завтра, а дождется председателя.

Аксинья сидела тихо, как мышь в норе, никому не мешая, но секретарша Валька все равно ворчала:

— Как что, так к председателю. Как будто на месте нельзя решить. А у него хозяйство. Одних земельных угодий пять тысяч гектаров. А тут дожди не по графику. Ну, ей-богу, ни у дождей, ни у людей никакой ответственности.

Аксинья не перечила, в разговор не вступала, а продолжала все так же тихо сидеть в уголке, неловко держа на коленях непривычные к безделью руки.

То и дело звонил телефон, стрекотала машинка, и под их неумолчный гул глаза Аксиньи стали потихоньку закрываться. И тогда руки сразу же нашли себе дело. Они подхватили вилы с огромным ворохом сена и ловко подбросили его на стог. На стогу стоял Павел и прямо с вил подбирал сено. Работали они дружно, споро,

Семёнова, Н.А. Золотая свадьба : рассказ // Смоляне : сборник / сост. : Е. Арифимов, А. Мишин. - Москва : Современник, 1980. - С. 528 - 536.

**Н.А. Семенова с режиссером
молодежного театра «Диалог»
В. Зиминым и актером В. Фроловым.**

**По пьесе Н. Семеновой о
Юрии Гагарине «А земля
такая голубая» был
поставлен спектакль. В
1985 году за эту постановку
руководитель молодёжного
любительского театра
«Диалог» Виктор Зимин
был удостоен премии
комсомола Смоленщины
имени Ю.А. Гагарина.**

Нина СЕМЕНОВА (1931–1996)

К 80-летию смоленской писательницы
и драматурга

НИКИФОР, А ВОКРУГ НИКОГО

(из «Баяк о деревне Веселухе»)

Вся Веселуха всколыхнулась. Виданное ли дело: дед Никифор на старости лет заделался художником. Заперся в летней избе, старуху, и ту к себе не подпускает и целыми днями что-то молчит. Внук ему из города красок повывез, хоть и упрекнул, что краски нынче дороги, помог рядню натянуть на раму, в которой когда-то красовался портрет Хрущева.

Получив за краски и за подмогу шмат сала, килограммов за восемь, да яиц пять десятков и укатил к себе в город. А Никифор, сидя перед рамой, задумался. Так много он прожил, так много перевидал в своей жизни, что тут главное? Что наследникам своим оставить как завет, как последнее наутствии? Думал, думал, ничего толкового придумать не мог. Хотя каким наследникам? И где они? Большой был род, да все разлетелись, как осенние листья в бурю.

И все-таки взял кисть в руку: пусть сама что хочет, то и малюет! Руки его больше всех работали, гораздо лучше, чем голова трудилась, вот пускай сами и думают. И как только он это решил, рука и в самом деле пошла по холсту сама.

Целую неделю Никифор, считай, не ел, не пил, лишь два разочка поспал, трудился без устали. Дрова между тем валялись на дворе неколотыми, плуг-распашник – под стрехой – неприбранный, падалицу в саду, и ту некому собрать... Это на деда Никифора никогда не походило: все у него в жизни было расписано строго по графику, все делалось хоть и неспешно, но аккуратно, все в хозяйстве ладилось.

Петровна, его жена, так за неделю извелась, что бегала по деревне. Раньше и ходить-то как следует не могла – опиралась на палку.

Бегала жаловалась:

– Какой бес на него напал? Во всей родне, считай до пятого колена, никаких мазил и слыхом не слыхивали. Все люди как люди, жили, хлеб сеяли, сено косили, а на него вдруг как накатилося. Не иначе как таборная цыганка поцеловала. Цыганка как поцелует, так

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ

Семенова, Н.А. Никифор, а вокруг никого : из «Баяк о деревне Веселухе». - Текст : непосредственный // Сторона родная: литературно-художественный альманах / Смоленская областная организация Союза писателей России; сост. : О. Доролань. - Смоленск : Смоленская городская типография. - 2011. - № 5. - С. 251 - 252.

Людмила ЛИСЮКОВА

«ДОМ» НИНЫ СЕМЁНОВОЙ

к 80-летию со дня рождения драматурга

Если попытаться обежать взглядом события по канве жизни драматурга и слыхнуть с тем, что она доверила бумаге, то можно увидеть: жизнь Семеновой – в её песнях. Здесь и родная Смоленщина, дорогая сердцу малая родина (написанная не всегда в «приглядном» виде, но непременно с любовью и болью: «Кого люблю – того браню»), здесь и крестьянская семья, в которой Нина Артемовна была младшей, седьмой по счету, здесь самые близкие люди, особенно мама, жившая на Смоленщине, вырвавшая семерых детей, дождавшаяся мужа, вернувшегося инвалидом с первой мировой войны. (Но когда эта женщина выходила в деревне на круг, и все дети за ней, – был праздник. Не было горя, не было печали – была радость оттого, что дана жизнь, что есть родная земля, что птицы будят по утрам, что листочки распускаются по весне, что ручьи журчат.) Здесь и далекие, до горечи знакомые, приходящие до сих пор во снах воспоминания о военном детстве; учеба в университете, работа учительницей в деревне Мозальцево; встреча с поэтом Н.И. Рыленковым, который оценил её дарование, знакомство с А. Т. Твардовским – все это так или иначе нашло отражение в рассказах Семеновой, в первой книге, вышедшей в 1959 г., в первой публикации в «Новом мире», первой пьесе, родившейся в Смоленских пределах, за Днепром-рекою...

«Рассказы у меня грустные выходят. Писала их с тоски. Когда от рассказов сердце начинает щемить, я перехожу на пьесы», – призналась однажды Нина Артемовна. А зовут пьесы Семёновой войти в её «дом», в её неповторимый, теплый, уютный мир, где лиризм ситуаций сопровождается иронией, драматизм характеров – шутовством, трагедия судьбы или события – трюеском. Поначалу может показаться, что пьесы Семеновой слишком просты, даже примитивны, но они обманывают и мстят, если подходить к ним с

этой меркой, и оборачиваются глубокой сдержанностью, если уметь прочесть и проникнуть в эту «простоту».

Вот и войдем в «дом» Нины Семеновой: вдохнем запах хлеба и цветущих яблонь, грибов и земляники; утолим жажду березовым соком и родниковой водой; откроем для себя, что есть добро и зло; влюбимся в мудрость народных сказок; соскучимся и затоскуем по неповторимым обрядам наших предков; попытаемся проникнуть в душу песен с незамысловатым сюжетом, но глубоким, неподдельным чувством; воспарим над суетой жизни...

Семенова – в числе немногих современных драматургов, пишущих в жанре лубка. Вспомним, что лубочная литература возникла еще в XVIII веке и характерными её жанрами были: передельки сказок, авантюрных повестей, житий святых, сенсационные анекдоты, произведения народной сатиры, притчи и пр. Семенова берет от каждого из вышеназванного чистоту, соединяет, казалось бы, несоединимое и рождает новый современный жанр, который носит старое название – лубок. Необычный, уютный, напоминающий детство. И рассказы детей, в которых все возможно. И все естественно.

В её песнях сведены воедино самые заветные образы – дети, матери, бабушки, и через их взаимоотношения раскрывается тема любви к ближнему, к земле своей, приобщение к памяти.

Драматург пишет о стариках и детях; по её словам, это самый чистый жизненный материал: «Дети еще не научились лгать, старики уже отказались от лжи, они чувствуют их правду».

Лубок Семеновой не так прост, как может показаться сразу. Это – исповедь, но не тайная, а всенародная.

«Чи отца и мать твою», – главная мысль трагилубка «Девки, в крут!». Почувствовать грех сердцем – не рассудком зовет пьеса. Поют старушки в хоре дома престарелых. Но песни – это оболочка.

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
СМОЛЕНСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
СОЮЗА РОССИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙПОД
ЧАСАМИ

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ПРОЗА

ДРАМАТУРГИЯ

ГОСТИ НОМЕРА

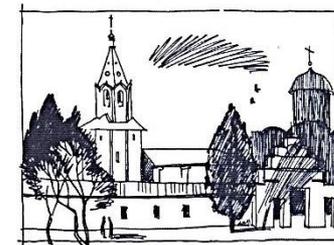
ДЕБЮТ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

НОВЫЕ КНИГИ

КИНО, ТЕАТР

КРАЕВЕДЕНИЕ

№ 10 · КН. 2 · 2011

Лисюкова, Л. «Дом» Нины Семёновой. - Текст : непосредственный // Под часами : альманах / Смоленское отделение Союза российских писателей. - Смоленск : Смоленская городская типография, 2011. - №10. - Кн. 2. - С. 1991 - 193.

Есть у Нины Артёмовны Семеновой такая пьеса «Над крыльцом семь звёздочек» о солдатской матери, потерявшей на войне семь сыновей.

По сценариям Семеновой были сняты фильмы «Байка», «Птицам крылья не в тягость», «Золотая свадьба», «Белый аист летит».

Умерла 15 августа 1996 года. Похоронена на Гурьевском кладбище в Смоленске.

Литература о Н.А. Семеновой

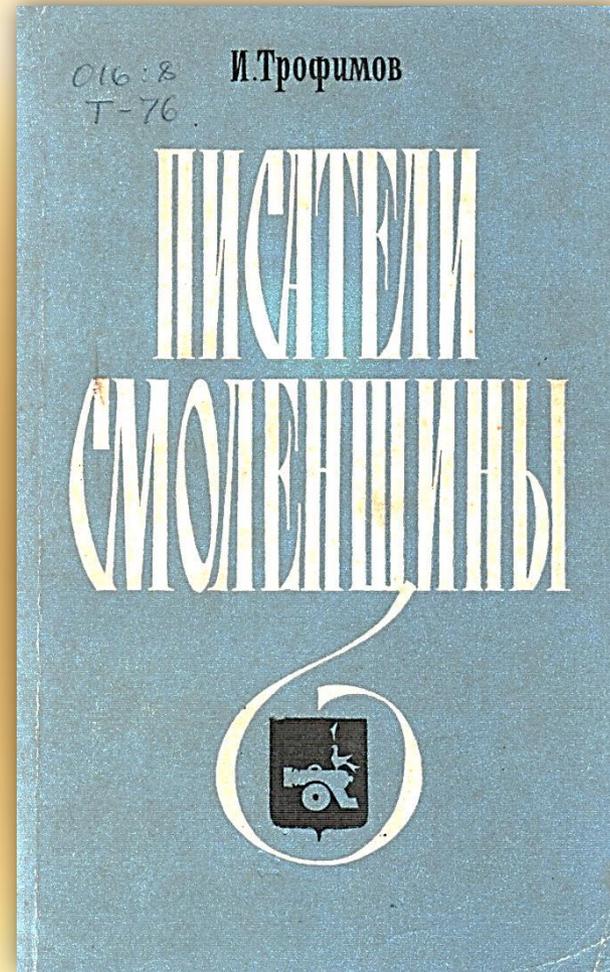
СЕМЕНОВА
НИНА
АРТЕМОВНА

Писательница Н. А. Семенова родилась 19 февраля 1931 года в деревне Ольше Смоленского района Смоленской области. Училась в ольшанской средней школе. Затем семья переехала в Смоленск, где будущую писательницу и застала война. После Отечественной войны закончила среднюю железнодорожную школу в Смоленске, потом Московский университет. Работала в деревне Мозальцево Смоленского района учительницей, затем корреспондентом Смоленского радиокомитета.

Рассказы Н. Семенович печатались в журналах «Огонек», «Молодой колхозник», альманахе «Литературный Смоленск», во многих газетах.

Закончила Высшие сценарные курсы. Участвовала в Ленинградском совещании молодых прозаиков и в семинаре молодых драматургов в Москве. Член Союза советских писателей с 1963 года.

В настоящее время Н. Семенова работает редактором литературно-музыкальных передач смоленского радио.

Семенова Нина Артемовна // Трофимов И.Т. Писатели Смоленщины. - Москва : Московский рабочий, 1973. - С. 290 - 291.

ВЕСЕЛАЯ ПЕЧКА

Кричат петухи, вкочнут куры, поют из цветущих за сценой сиреней соловьи, светят ромашками и васильками деревенского луга лохмотья лоскутных половиков, поворачивается к зрителям то задом, то передом беленая русская печка – такая же, какая стоит в деревенской хате Нины Артемовны Семеновой в Костинской – только на колесе. Деревенский философ дед Степочка спрашивает на сцене телятницу Фросю о том, что больше всего интересует притихший зал: «А почему печка – на колесе?» – «А просто так. Для души», – отвечает Фрося, выдавая главную человеческую тайну драматурга. Для Нины Артемовны Семеновой ответ настолько характерен, что я, сидя в зале, слышу не подающую реплики Наталью Тенякову – саму хохочущую Семенову, объясняющую причину успеха катящего по всей стране драматургического детища: «Наташ, так это ж и про себя написала!»

Успех «Печки на колесе», даже по московским меркам, был потрясающим. Если говорить о Смоленске, придется признать, что после вынужденного переезда в столицу Твардовского Нине Артемовне Семеновой первой удалось раздвинуть занавес презрения, долгие годы скрывавший от публики смоленских литераторов.

Глаз у Твардовского был острый. В 1970 году, встретив на писательском съезде никому не известную землячку, он приветствовал растерянную и обескураженную Семенову возгласом: «А я помню вашу «Таньку!» Рассказ «Танька» вышел в «Огоньке» в 1958 году. Значит, Твардовский, в те годы редактор «Нового мира», ежедневно просматривавший горы неопубликованных рассказов и повестей, помнил запавшую в душу «вещицу» целых двенадцать лет! Тогда же Твардовский подарил Семеновой книжку с надписью: «Нине Семеновой – с верой в ее та-

Эта веселая материя амбивалентна: она и могла, и рождающее лоно, и уходящее. Это – само становление.

М. М. Бахтин. «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса».

Драматург нина Семенова.

лант» – и напечатал у себя в «Новом мире» повесть «В воскресенье рано утром».

Твардовский словно бы приговорил Семенову к успеху: через десять лет пьеса «Печка на колесе» раздвинула лоскутный занавес театра им. Моссосвета и, скрипянув фантастическим деревянным колесом, покатила по стране. Пьеса шла в ста театрах Советского Союза – в Москве, Липецке, Костроме, Киеве, Могилеве, Петрозаводске, Кургане, Липецке. О пьесе писали газеты, вещали радио и телевидение. В Москве главную героиню телятницу Фросю играла Наталья Тенякова. В Киеве – Ада Роговцева.

...Я сижу в зале и вслушиваюсь во взрывы безудержного хохота. «Над

чем смеетесь?..» Ответом на вечное гоголевское всплывает Бахтин с расчудениями о природе карнавального смеха: «Народно-площадное смеющееся лицо... глядело в будущее и смеялось на похороны прошлого и настоящего». У меня нет сомнения в природе происходящего. Обратившись к жанру комедии – лубка, Семенова интуитивно преодолела границы литературной комедии и вернулась в живое лоно рождающей и убивающей смеховой народной культуры. В этом – главный, непонятный для многих секрет успеха семейных пьес. «Карнавальный смех, во-первых, всенароден, – писал Бахтин в своей знаменитой книге о Франсуа Рабле, – во-вторых, он универсален, он направлен на все и на

ОБЛАСТНОЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
СМОЛЕНСК

На рубеже 1990-х годов.

всех... В-третьих, наконец, этот смех амбивалентен: он веселый, ликующий и – одновременно – насмешливый, высмеивающий, он и отрицает и утверждает, и хоронит и возрождает». Все так. Мы присутствуем на умирающем и рождающемся народном карнавале, где «работает центробреж», вывешивается «график прихода в охоту телок по временам года», и не так уж важно – печка на колесе катит по холмистым проселкам или гоголевская тройка летит по проселкам и горкам России. Только везет по сельскому бездорожью птица-печка не Чичикова – как это заметил о Гоголе один из героев Шукшина, – а «черепок», девочнок мал-мала меньше, дочек телятницы Фроси. Дед Степочка обещал им «телескоп сделать – прямо с печки звезды разглядывать». Но папка «черепок» – алкоголик Василий – по приказу начальства приехал на бульдозере сносить печку на колесе, а вместе с печкой – всю «неперспективную» деревушку с петухами, курами, заливающимися соловьями, философствующим дедом Степкой, одинокими старухами и разнечастной телятницей Фросей, при живом любимом муже-алкогольнике в одиночку растящей пять дочерей.

Вот где слезы Семеновой сливаются со слезами ее главной героини: личная жизнь Нине Артемовне Семеновой выпала сложная. Муж ее – богатый и веселый, косяк сажень в плечах – пил здорово. Это его шут-

ку: «Если и не парень, то вы, девки, зажались!» – вложила Семенова в уста Фросиново Василия. Это свою любовь и свои слезы вложила Семенова в сердце главной героини – телятницы Фроси.

...Зрительный зал плачет: не просто печку на колесе ломает бульдозер на глазах у потрясенных зрителей выпивоха и балагур Василий – вместе с «неперспективной» деревушкой сносит он с лица земли Россию. Прибывший из города поклонник Фроси строит ей новую печку – «на микроэлементах», но притихший зал уже догадался, что новомодным изобретением ушедшую Россию не заменить. В России должны быть птица-тройка – вместе с Гагариным, забытая хата – вместе с небоскребом, телятница Фрося – вместе со своим непутевым мужем-алкоголиком, ибо если уж хорошо поразмыслить – какая без них Россия?

К неподдельному народному «карнавалу на пепелище» мгновенно потянулись заграница. В столичном издательстве ВТО в те годы жаловались, что все иностранные делегации, приезжающие в Москву, требуют показать им «Печку на колесе» на малой сцене театра им. Моссосвета. Но из этого дело не кончилось. Проворная «Печка» скрипнула своим деревянным колесом – и покатила по миру: сдержанные японцы, поставившие пьесу в Японии, прислали в Советский Союз массу восторженных отзывов. Пьеса

шла в театрах Болгарии, Греции, Чехословакии. Ее репетировали в Нью-Йорке – в театре Жана Кокто на Бродвее.

«Это удачный драматургический дебют, – писал в «Известиях» за 1983 год один из самых знаменитых драматургов советского периода Алексей Арбузов. – Бывает так: идешь весной по лесу, а он весь звенит и переливается птичьими трелями... И вдруг в это многоголосое вливается единственная, которая заставляет остановиться и слушать, слушать. Вот такую совершенно новую ноту внесла Нина Семенова в театральный репертуар столицы...»

К самой Семеновой знаменитая «Печка на колесе» повернулась... задом. Пока ее водруженное на скрипучее колесо детиче пылило по ухабам мировых дорог, драматург Нина Артемовна Семенова путешествовала по больницам. Говоря ее же словами, от природы не очень здоровая и изрядно намучившаяся в жизни, Семенова «схватила два инфаркта». Если бы в то время, когда я по своим делам приехала в Москву, Нина Артемовна не лежала в очередной больнице, на спектакль театра им. Моссосвета мне попасть не удалось бы – народа в кассе было столько, что саму Семенову, однажды явшащуюся в театр, подпустили к дверям только после «всенародной» проверки паспорта. Нина Артемовна, болевши лишенная возможности «созерцать» собственный успех, готова была поделиться отобранной у нее радостью с каждым: прямо из больницы она звонит в театральную кассу и заказывает мне контрамарку.

У меня в издательстве выбрасывают из плана без сучка и задоринки прошедшую рецензирование книгу. «Наташ, плой на все, – говорит Семенова, поправляя под головой свихнувшиеся больничные подушки. – Посмотри на меня внимательно и плюнь! Это ж все сволочи! Им же ничего не объяснишь! Я тоже всю свою жизнь переживала. А теперь видишь – что со мной? У меня комедия по всем театрам мира идет, а я в больнице с инфарктами лежу.»

Егорова, Н. Веселая печка. – Текст : непосредственный // Смоленск. - 2005. - № 6. - С. 32 - 34; № 7. - С. 32 - 34.

В «закулисье», почти «зазеркалье», драматургическое действо вокруг пьес Семеновой закручивала судьба. Свою третью пьесу «Печка на колесе» Семенова написала в Дуболта, на всесоюзном совещании молодых драматургов, - и сразу очаровала всех. Ее предыдущую комедию «Троллейбус» хвалили взахлеб, но говорили, что на сцену здорово заходящую за грань дозволенного пьесу не пустят. «Печке» же сулили грандиозное будущее. Но - хороши посулы для москвичей. Для жившей в Смоленске Семеновой ситуация была беспроглядной: нет блата - нет спектаклей.

Впрочем, «колесо», приделанное к русской печке, само нашло, куда ему катиться. О том, как Тенякова повезло с Семеновой, умная и благодарная Тенякова рассказывает до сих пор. Остается вспомнить о том, как Семеновой повезло с Теняковой.

История началась с того, что на чтении в театре им. Моссовета пьеса оглушительно провалилась. Понравилась она только ведущей актрисе театра Наталье Теняковой, в то время в элитных кругах Москвы известной в качестве отличной исполнительницы роли графини Софии Толстой. «Я была очень удивлена, когда на читке в театре пьеса провалилась», - рассказывает Тенякова в журнале «Театр» за 1983 год. - «Печку» никто не понял и не принял... Благоразумная дирекция отдала пьесу Б. Щедрину, который решил дело просто: «Если Тенякова захочет работать над ролью, - сказал он, - я берусь за пьесу». Таким образом, все вернулось... к моему первому впечатлению и желанию сыграть главную роль, роль Фроси. Вот так мы с Щедриным оказались «открывателями» пьесы».

«Вы - и вдруг телятница?» - спрашивали у Теняковой полчища потрясенных неожиданной сменой амплитуды и оглушительным успехом корреспонденты. «При чем здесь телятница? Я просто играла Нину», - отвечала Наталья Тенякова, мгновенно подругившаяся с Семеновой.

До конца своих дней Нина Артемовна Семенова оставалась деревенской. Это был тот главный нравственный выбор, которому не могли помешать учеба в МГУ, работа на областном радио, вступление в Союз писателей СССР. Слово онемешило от ужаса небития крестьянские хаты послали владевшую даром слова дочь рассказать о мазутных полях, вырубленных лесах, обманутых и загнанных людях. С рассказами о гибнущей деревне шли в город Абрамов и Шукшин, Белов и Распутин. Семенова несла ту же весть. Оттого и жанр выбрала народный - комедию-лубок. Выбрала интуитивно и безошибочно: свойственная ей склонность доводить происходящее до абсурда и тяга к лубочной плакатной обобщенности в чем-то выходили за грани сатирической традиции русского реализма. Название изобретенному Семеновой «жанру» дали народные сатирические картинку-лубки - цветные, яркие, с веселыми лапидарными надписями в народном духе, в свою очередь корнишки уходящие к традиции театра Петрушки и давнейшие позабытых скоморохов. Пленяющая душу крестьянская нарядность семеновских пьес шла от лубков, хохломы, гжели. Жгучая сатирическая резкость - от лубков, ча-стушек и бессмертного Гоголя.

Знал ли не пускавший в Смоленск «Печку на колесе» обком, каким уважаемым в театральных кругах человеком была Нина Артемовна Семенова? Догадывался ли, что в последние годы жизни пьесу смоленскому драматургу закажет сама Дорони-на - остро нуждавшаяся в женской роли? Не будем наивными: власти, умеющей любить сатириков, не существует на свете. Но обком - это разговор особый.

Помню одно из глупых и нелепых многочисленных обкомовских «недождовств» того времени, щедрым ливнем ливших на вольные головы писателей. Был в ВТО чей-то юбилей. Семенова на юбилее плясала... в валенках. С трудом доходило до нас фантастическое: стыдным, запретным в этом действе оказались... де-

ревенские валенки. Так «из грязи да в князи» попавшие обкомовские нувориши попытались запершить свое деревенское происхождение. Стыдной, запретной, бескультурной объявлялась русская деревня.

Этого Семенова перенести не могла! К валенкам присоединился овчинный тулуп, к тулупу - расписной, деревенский, всеми альми розанами воюющий с серостью платок, ноги шли в плас. Во все уголки Смоленска слышался голос Нины Артемовны: «А вы сами - не деревенские?» Вдруг герой очередной «лубка» - главный редактор радио, всю жизнь в угоду обкому не пускавший в эфир лучшие материалы, прозревал от напущенной на него «любки»:

«Редактор. Что это? Татьяна. Землица. Ты понохай, понохай... Ага, вспомнил? Все мы откуда - из деревни-то родом.

Виталик. Что это с ним? Редактор. Вы знаете, кем я хотел стать в детстве?

Виталик. Главным редактором. Редактор. Птицей... Аистом... И я им был! Я летал... Глаза закроешь, руки раскинешь и летишь, летишь... Высоко. А деревня наша с высоты полята така-ая! Вокруг школы дубовая роща. В роще грачи. Пусть бросит в меня камень тот, кто не был грешен. Я в детстве разорял грачиные гнезда. Река Жереспейка. Костер разведем на берегу и печем птичьи яйца. Вкусно!»

Хохочущую над нелепостями мира Семенову трювили в Смоленске серьезно. Великолепную «Печку», объехавшую лучшие подмошки мира, на сцену Смоленского драматического так и не пустили. Когда Москва выдвинула на Государственную премию спектакль театра им. Моссовета, обнаглевший от безнаказанности обком отправил в столицу бумагу с просьбой премию Семенову не давать, так как «антисоветична» Семенова премии не достойна. Не пустили Семенову и в Болгарию - на премьеру болгарского варианта смоленской «Печки», - видимо, сильно боялись, что пляшущая в валенках Нина Семенова сможет разладить русско-болгарские отношения.

Наталья ЕГОРОВА.
Продолжение следует.

Окончание. Начало в №6.

ВЕСЕЛАЯ ПЕЧКА

А вот запредельная история тех времен, рассказанная самой Семеновой. В ней действующее лицо - Министерство культуры - откровенной наглостью коррупции готово заткнуть за пояс любой обком. В 1987 году смоленские актеры привезли в Театр на Таганке с боями поставлен-

на родине спектакль по пьесе Семеновой «Девки, в круг!». Семенову, приехавшую с театром, из зала неожиданно вызвали вниз: «В фойе стоит маленькая японка. Я, - говорит, - поставила в Токио Вашу пьесу. Почему Вы не приехали на премьеру? - Так меня никто не приглашал! - Как не приглашал? Я сама послала пригласительную телеграмму на Ваше имя. Правда, приехавшие в Японию сказали, что Вы больны». Семенова к тому времени была здорова. Она была не нужна: вместо нее в Японию могла поехать целая делегация от Министерства культуры.

...Так оно и шло: «Печка на колесе» триумфально дымилась по миру своей трубой, обком травил Семенову, Семенова лежала в больницах и все время надеялась на выздоровление: каждый сверчок - знай свой шесток.

Здоровая крестьянская натура взи-

Эта веселая материя амбивалентна: она и могла, и рождающее лоно, и уходящее прошлое, и наступающее будущее. Это - само становление.

М.М. Бахтин. «Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса».

ла свое. «Великая драматическая актриса» Нина Артемовна Семенова - как величали ее друзья - свои беспроглядные инфаркты, как и все на свете, превратила в грустную и веселую, горькую и смешную комедию-лубок. «Занавес» над новым «действием» приоткрылся так. Нина Артемовна лежала в очередной кардиологической больнице в Ленинграде. За годы болезни она впервые почувствовала улучшение. «Чем вы меня лечили? - спросила врача. - Я ведь уеду в Смоленск и не знаю, какое лекарство мне помогло!» - «Мы лечим вас по методу, разработанному смоленским доктором Надеждой Васильевной Маршуткиной, - посыпалось в ответ. - Мы вводим вам гемодез».

Спасение находилось в Смоленске! Домой Семенова вернулась с верою в чудо. И чудо произошло: Маршуткина вытаскала Семенову с того света. Нахлебавшаяся горя Семенова быстро обнаружила, что на этом свете профессор Смоленского медицинского института Н.В. Маршуткина заправлена местными «доброжелателями» точно так же, как и сама Семенова: ни Маршуткиной, ни открыто ей методу лечения гемодезом хода не давали.

...Семенова пошла в бой. Она подняла на ноги центральные газеты и журналы, программу «Время» с Нинель Шаховой - для того, чтобы «пробить в жизнь» открытие Маршуткиной. «Теоретические» возражения медиков в присутствии Семеновы не действовали - сама она была лучшим подтверждением эффективности нового метода.

Быть может, главную свою писательскую тайну открыла Семенова в анкете журнала «Театр» (1987), призвав, что больше всего в жизни ее воображение потрясла война и... «Реvisor» Гоголя. Войну Н.А. Семенова описала в прозе. Не преувеличу, скажав, что как драматург Семенова всю жизнь писала «своего Гоголя». Печкой, странным образом подходящей на птицу-тройку, дело не ограничилось. Вспомним, какой великолепной «немой сценой» кончается лучшая непоставленная пьеса Семеновой «Троллейбус». «К нам едет реvisor» - и «Срочно получите трамвай» - по сути одно и то же! А какой «виевский» гротеск в крике внучки из комедии «Девки, в круг!»: «Отдайте мне мою бабушку!» - это работники дома престарелых равнодушно перепутали двух умерших старушек.

«Я услышала рассказ о печке на колесе, - вспоминала Н.А. Семенова, как родился сюжет «Печки». - Ее сделал один мужик - просто так, из озорства. От лени, как мне рассказывали. Он не хотел пилить деревья на дрова и заносить их в избу». А вот воспоминание о том, как появился замысел «Троллейбуса»: «Я прочла в газете заметку о том, что в Вязму прислали троллейбус, хотя его никто не заказывал. Городской казне пришлось платить громадные деньги - двадцать тысяч. Потом в нем галки гнезда свили».

...Сюжет великолепного «Троллейбуса» стоит того, чтобы его вспомнить! Действие комедии происходит в захолустном смоленском колхозе. «Ехали в колхоз «Прогресс», а попали в «Блинные Кучи», - мрачно говорит о хозисте «шеф» Миша. Председателю колхоза Кузнецовой вручают телеграмму из Госла-

на: «Срочно получите троллейбус». Телеграмму в колхоз прислали по ошибке. Но простой «груза» на железной дороге настолько дорог, что получить троллейбус для колхоза оказывается выгоднее, чем от него отказаться. И вот по полям хозяйства, где нет дорог и дикие кабаны среди бела дня по улицам бегают, городские шефы прокладывают троллейбусную линию. Над прогнившими крышами вросших в землю хат натягивают транспарант: «Открываем первое в нашем районе колхозное троллейбусное движение». Весь колхоз катается на троллейбусе. Приезжает корреспондент областной газеты. За ним – оператор центральной телевидения. «А я сегодня страшный сон видела, – рассказывает героиня Лизавета. – Будто у нашего троллейбуса детики народились. Ездят вокруг и просят: «Мам, кашки!» Так страшно! Вот тут-то и происходит нечто похожее на «немую голливудскую сцену» из «Ревизора»: в колхоз приезжают посланцы Госплана – забрать у колхозников ошибочно попавший в них троллейбус. Но к застывшим со слезами на глазах обитателям Блинных Кучи бежит почталыон с новой телеграммой: «Срочно получите трамвай!»

Не стану рассуждать, насколько современна эта в прошлом веке написанная комедия: за троллейбусом капитализма в Блинные Кучи все равно приллет новый трамвай. По-

говору об освещенной христианством традиционной правоначности такой сатиры в России. В совершенно чуждом осуждению и «бессмысленному смеянию» православии традицию обличающего народного глумления... юродивые. «Божьи люди», в рваннике и лапоточках, а порою и просто нагим проходившие по неудобьям земного бытия, принижающим народным смехом вызывали глум толпы на себя – дабы побороть смиреннеем гордыню, а ум и волю человека подчинить Божьим воле и уму. Но не только этому служил «православный» смех: гротескный притчевый сказом, иносказательной сатирой юродивые обличали грехи и пороки окружающих. Великий русский юродивый Василий Блаженный, по имени которого народ называет один из самых самоцветных и радостных храмов Отечества, высвещавший на главной площади страны - храм Покрова, – смел своими импровизированными сатирами принародно бичевать самого Иоанна Грозного.

«Душа Фроси мне показалась сплсанной с самой Семеновою. Она, по моему, удивительный человек, – очень умный, чистый, добрый, принципиальный. Я думаю, половина нашего успеха в том, что она сама такая. В ней нет фальши, кривляния, она смотрит на мир удивленно», – писала в журнале «Театр» Наталья Тенякова. А Нина Артемовна Семенова, до смерти «захохотавшая» «старуху с косой», длила карнавал собственного бытия.

Вольная воля творческого полета соединялась в Семеновою с житейской практичностью – и она, уже возглавляя Смоленскую писательскую организацию, – проталкивала прозу Вязанкова и помогала вступить в Союз Лосевой, рецензировала молодых и решала, как помочь оставшемуся после развода без жилья Ионову.

Кем она была – и в смерти не унывающая Нина Артемовна Семенова? Моргунком? Дон Кихотом? Крестьянкой, ищущей Китеж-град затонувшего русского счастья? Не знаю... Но одной из стержневых черт характера Семеновою была народная, крестьянская жажда справедливости. Повидавшая лиха, в первые годы «перестройки» Нина Семенова организовала в Смоленске общество под названием «Справедливость», собрала «на свою печку» обманутых, затравленных, несправедливо засажженных в тюрьмы и психушки, лишенных семей и званый.

Начальства, унижающего людей, до конца жизни не любила, как не любила разделения писателей на порою и просто нагим проходившие по неудобьям земного бытия, принижающим народным смехом вызывали глум толпы на себя – дабы побороть смиреннеем гордыню, а ум и волю человека подчинить Божьим воле и уму. Но не только этому служил «православный» смех: гротескный притчевый сказом, иносказательной сатирой юродивые обличали грехи и пороки окружающих. Великий русский юродивый Василий Блаженный, по имени которого народ называет один из самых самоцветных и радостных храмов Отечества, высвещавший на главной площади страны - храм Покрова, – смел своими импровизированными сатирами принародно бичевать самого Иоанна Грозного.

Ни единого слова не соврала Семенова в театральной байке о другом таком же банкете. В Костроме, в театре им. Островского, поставили «Печку на колесе». Нина Артемовна приехала на премьеру и устроила для артистов банкет. Но «пировать» решило начальство, и артистов на банкет не позвали: «Доконал меня начальник областного управления культуры, который сидел как раз напротив со своей разряженной в бархатное лиловое платье женой.

- А вы в Париже были?
- Нет.
- А в Нью-Йорке?

- Тоже не была.
- А в Лондоне? – и уже не дожидаясь ответа:
- А вот мы с женой...
И тут я увидела у него на руке татуировку «ВАСЯ+КЛАВА=ЛЮБОВЬ». Сомнений больше не было. Я совершенно нагло собрала остатки напитков, бутерброды и пошла искать религиозный зал. Артисты меня встретили громкозвучным «Ура!».

- Мы по пьесе знали, что вы к нам придете».

Ах, у вас карнавал на обочине жизни? Праздник сущего? Пир бытия? Ну так что ж – благословясь Бахтиным, пойте частушки, пляшьте пляски, развезжайте на троллейбусе и печке на колесе, плодитесь и размножайтесь.

Что же от книги пьес Нины Семеновою, когда-то при советской власти выпущенной издательством «Советский писатель», хватает за сердце смертная тоска и слезы бегут из глаз? «Карнавал» Нины Семеновою происходит в доме для престарелых величиию к России. Молодые давно уехали из опустевших деревень в города и забыли там нарожать деток: «Кукушка, кукушка, покукуй мне в левое ушко... Осталась я, как эта кукушечка... одна-одинешенька. Никому не нужна, – говорит о себе героиня пьесы «Операция «Третья брешь». – Бывало, и в ночь, и в полночь. То корова не растелила. То телок смерти наелся. То в район на совещание. Лицо ополоснуть неког-

да. Теперь умывайся хоть с утра до вечера... Руки работать привыкли... Как автомат. Были б хоть дети со мной... Как кукушка детей по свету раскидала. Внуки? Какие внуки? На троих детей один внук. Единственный внучек, в которых рождать ленятся. Зачем? Все равно война». Другая героиня Семеновою в пьесе «Семь мисок, семь ложек» до сих пор кормит в пустой хате не вернувшихся с войны семерых сыновей: «Ешьте, детки мои. Ешьте, мои горькотнички. Праздник сегодня на дворе. День Победы. Это тебе, Семен. Это Андрей, это Васенька. Петька, не хватая из рук, вот я тебя за это полюб!».

Среди одиноких старух, брошенных доживать свой век в замшелых приземистых хатах «неперспективных» деревень, Семенова проводила изрядную часть своей жизни. Подленившись в больнице, ехала в цветущее по весне яблоням Костинское. В банке посреди гудящего шмелями и пчелами сада писала пьесы. Общалась с бабами Танями. Манями, Дунями, Лизами, Маланами, вникала в их старческие обиды и слушала, слушала, слушала язык – живую русскую речь.

Сюда же, в Костинское, приезжали гости из далеких театров. В деревенской хате с беленой русской печкой, под крик петухов и мычанье коров принимала Н.А. Семенова Наталью Тенякову с актерами Театра им. Моссавета и Аду Роговцеву с группой киевских актеров.

«Во время своей поездки на Смоленщину, – писала Наталья Тенякова, вспоминая Костинское, – я очень остро ощутила трагедию маленькой деревни, которая оказалась никому не нужна. Сейчас там великолепная природа, цветущие сады, но все заброшено, забыто. Закрили школу... И тогда семьям, в которых есть дети, пришлось выехать в поселок. Добраться до деревни стало практически невозможно. Дорог нет – не пройти, не проехать. В деревне остались только старухи и один-единственный ребенок». А корреспондент «Культуры и жизни», тоже бывавшая в Костинском и вместе с Н.А. Семеновою пообщавшаяся с жителями деревушки, сообщает, что говорит соседка Семеновою Стефановна: «Ох и хорошо пели у вас, Артемовна! Коровы даже жевать перестали, подняли морды и тоже слушали».

«Распахнись, занавеска линияля!» Да нет, не линияля занавеска – театральный занавес из лоскутков всевозможных невероятных оттенков. Синие, красные, лиловые, белые, в цветочек, в горошек, в крапинку – и каждый лоскуток – драгоценная, невероятная, неповторимая судьба деревенских старух – Гавриловны, Федоровны, Степановны, судьбы семерых сыновей: «Ешьте, детки мои. Ешьте, мои горькотнички. Праздник сегодня на дворе. День Победы. Это тебе, Семен. Это Андрей, это Васенька. Петька, не хватая из рук, вот я тебя за это полюб!».

Среди одиноких старух, брошенных доживать свой век в замшелых приземистых хатах «неперспективных» деревень, Семенова проводила изрядную часть своей жизни. Подленившись в больнице, ехала в цветущее по весне яблоням Костинское. В банке посреди гудящего шмелями и пчелами сада писала пьесы. Общалась с бабами Танями. Манями, Дунями, Лизами, Маланами, вникала в их старческие обиды и слушала, слушала, слушала язык – живую русскую речь.

Сюда же, в Костинское, приезжали гости из далеких театров. В деревенской хате с беленой русской печкой, под крик петухов и мычанье коров принимала Н.А. Семенова Наталью Тенякову с актерами Театра им. Моссавета и Аду Роговцеву с группой киевских актеров.

Наталья ЕГОРОВА.

Фото из архива Виктора ЗИМИНА.

Егорова, Н. Веселая печка. - Текст : непосредственный // Смоленск. - 2005. - № 6. - С. 32 - 34; № 7. - С. 32 - 34.

ВРЕМЯ ВОЗВРАТА К ЧЕЛОВЕЧНОСТИ,

В спектаклях, поставленных по пьесам Нины Семенович, в фильмах, снятых по ее сценариям, играли Георгий Бурков, Наталья Тенякова, Нина Усатова, Ада Роговцева. Ее просили написать что-нибудь лично для себя Лидия Федосеева-Шукшина, Татьяна Доронина... «Печка на колесе» ставилась в ста театрах страны, за рубежом и даже... в Японии.

- В Москве на показе спектакля нашего драмтеатра по моей пьесе «Девки, в круг!», организованном театром Дружбы народов, ко мне вдруг подошла пожилая японка и представилась режиссером «Печки на колесе». Я удивилась - чем в Японии может быть интересна перспективная деревня, в которой происходит действие? А она ответила: - А что это такое? Я ничего не поняла про все эти колхозы... Вы же не про это написали, а про любовь, про жизнь, про человеческие отношения...

Это верно, я всегда про это писала. А особенно сейчас, считаю, наступило время возврата к человечности, - сказала Нина Артемовна.

Нина Артемовна, почему вы не были на премьере в Японии?

- А я и не знала, что было приглашение, - оно затерялось где-то в Москве. Зато туда съездили шесть человек из ВТО - представлять мою пьесу. Я вообще была «невъездной». Обком партии не пустил меня даже в Румынию и Болгарию. Предъявляли претензии, что я «порочу»

или О том, почему пьесы Нины Семенович интересны даже японцам

смоленскую деревню. Про меня сказали: «Она - как человек - непокладистый. Да и пишет неважно...» Думаю, все дело в том, что я не ходила кланяться, а, наверное, надо было... Но я живу по принципу - минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь. Гнев-то еще можно перенести, а вот любовь - на нее ведь взаимностью надо отвечать, а это значит - быть несвободным...

Сейчас вы пишете «про деревню»?

- Мне это уже не интересно, для себя все исчерпала. Ну и

потом, что я сейчас могу взять фоном, - какую-нибудь фермершу?! Не хочу.

Многие драматурги, писатели ощущают сейчас невозможность писать. Был ли у вас творческий кризис?

- Был период - года два ничего не могла писать. А потом... Как я могла отказать такой актрисе, как Татьяна Доронина? Я долго думала. «Деревня» - не для нее. И написала «Царевну Софью», где мне была интересна не ее борьба с Петром I, а тема выбора - власть или любовь. Софья выбрала любовь, монастырь, осталась верной князю Голицыну даже после того, как он ее предал.

Почему все-таки не современность, а история?

- Ну, как я могу это сказать?! Это - внутренний голос, который диктует, что-то идущее свыше. И его надо всегда слушать, иначе получается очень плохо... Можно варить кашу - и вдруг услышать: «Пиши свободным стихом!», как это было с «Царевной Софьей», ведь первый вариант я написала прозой и увидела - не то, нет аромата эпохи, потому что нет языка.

Можно ли научиться слушать внутренний голос?

- Нельзя. Его надо просто смиренно слушаться. Но дьявол, заложенный в нас, сопротивляется. А дьявол - это ... О-о-ой!... Когда я

писала мюзикл «Соловей - Разбойник», ведь у меня дома даже кровать прыгала! Но я сходила в собор, помолилась, поставила свечку, попросила, - ведь, чтобы показать победу добра над злом, надо и зло изобразить! После этого все успокоилось.

Нина Артемовна, как вы пришли к Богу?

- Я к нему никак не приходила, я всегда была с ним, это от мамы, и это не подлежало никакому обсуждению. Потом, правда, были и комсомольские времена, но все это не задело... Помню, в молодости я попыталась у Твардовского - что такое бесконечность, как ее представить? Александр Трифонович ответил: «А ты представь, что у Вселенной есть конец. Представляешь? Нет? Значит, она бесконечна!» Так и с Богом: как можно представить, что его нет, если растет трава, цветут березки?! Я люблю сводить всегда к самому простому, - все сразу становится ясно.

Помогало ли это пережить тяжелые события?

- Вообще в жизни, конечно, помогало. А тяжелые события... Пожалуй, их и не было: все в жизни надо принимать, как есть, - этому меня тоже научила мама.

А что для вас худшее в людях?

- Неестественность и предательство. И еще очень тяжело переношу ауру стяжательства, охватившего людей, поэтому не люблю ездить в трамваях. А в деревне мне хорошо.

На что вы существуете?

- За пьесы, которые, оказывается, до сих пор где-то идут, давно ничего не получала. Из-за границы - также ничего мне не пришло. У меня небольшая пенсия, получаю небольшую зарплату в Союзе писателей, и все было бы хорошо, да вот сын оказался безработным, и невес-

тка работает на «Шарме», который вот-вот остановят. А еще двое внуков... Хорошо, невестка меня успокаивает, говорит, если что, поедем в деревню, там у нас дом, не пропадем...

Нина Артемовна, а как вообще сейчас жить?

- А жить сейчас нельзя - мы пропадем. Русь пропадет. И пропадет, если Бог не вмешается...

... Тем не менее, Нина Артемовна не просто живет, но и творит, - творит и пьесы, и добро. Во время нашего разговора зашел один из смоленских писателей, которому Нина Артемовна вручила членский билет, встал перед ней на колени, и, поцеловав руку, сказал: «Спасибо, матушка вы наша»...

Недавно в экспериментальном театре состоялась премьера ее пьесы «Над крыльцом семь звездочек», и, пожалуй, Нина Семенович - едва ли не единственный драматург, написавший к 50-летию Победы пьесу о войне. Война не обошла Нину Артемовну стороной, - хотя она была девочкой, но помнит все. Пережила оккупацию, старший брат погиб на войне, второй вернулся инвалидом. В театре находится ее пьеса «Славься!» о Гагарине, заинтересовал и мюзикл «Соловей-Разбойник». Надо выполнить и клятвенное обещание Нине Усатовой - написать для нее пьесу, и наконец-то выбрать время и перепечатать набелю «Царевну Софью».

Недавно состоялось радостное событие: Нину Артемовну наградили литературной премией им. А.Т. Твардовского. Поздравляем с высокой наградой, с праздником 50-летия Победы, и желаем всего самого наилучшего - в жизни и в творчестве.

Л.РЫК.
Фото А. ЗАВЬЯЛОВА

Рык, Л. *Время возврата к человечности. - Текст : непосредственный // Рабочий путь. - 1995. - 19 мая. - С. 15.*

Список

дополнительной литературы о Н.А. Семеново́й

Николаев, Н. Её пьесам крылья не в тягость. - Текст : непосредственный // Рабочий путь. - 2011. - 18 февраля - С. 4.

Пацков, Ю.В. Семенова Нина Артемовна / Ю.В. Пацков // Смоленская область : энциклопедия. - Смоленск, 2003. - Т.2. - С. 613 - 614.

Прозаик. Драматург. Человек. - Текст : непосредственный // Вдохновение. - 2001. - № 2 - 3. - С. 7.

Смирнов, В. Стелски - дорожки Нины Семеново́й. - Текст : непосредственный // Рабочий путь. - 1997. - 16 августа. - С. 3.

Чепурных, Н. И память - снег летит и пасть не может... - Текст : непосредственный // Смоленская газета. - 2011. - № 19 - 20 (26 февраля). - С. 7.

Чулкова, О. Когда люди смеются и плачут - они живут. - Текст : непосредственный // Рабочий путь. - 1996. - 17 февраля. - С. 4.